

УДК 947.07(470.6)
ББК 63.3(2)47
М-36

Махмудова Кемси Зелимхановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории мировой культуры и музееведения Чеченского государственного университета, e-mail: kemsiz@mail.ru

**СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КАВКАЗ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО
ПРОТИВОБОРСТВА РОССИИ И ТУРЦИИ В 80-е гг. XVIII в.**
(рецензирована)

Статья посвящена изучению политико-конфликтных аспектов геополитического соперничества России и Турции в 80-е гг. XVIII в. в условиях присоединения Крыма к России и заключения Георгиевского трактата (1783 г.). Противоборство держав в решении кавказского вопроса, а также политическая ситуация в Северо-Восточном Кавказе прослеживается в контексте внешнеполитических устремлений России и Турции.

Ключевые слова: *Георгиевский трактат, Россия, Османская Турция, Кавказская линия, присоединение Крыма, Картли-Кахетинское царство, Ираклий II, Фатали-хан, Северо-Восточный Кавказ, Умма-хан, шейх Мансур, подданство.*

Makhmudova Kemsî Zelimkhanovna, Candidate of History, associate professor of the Department of History of World culture and Museum science of the Chechen state university, e-mail: kemsiz@mail.ru

**THE NORTH-WEST CAUCASUS IN THE CONTEXT OF THE GEOPOLITICAL
ANTAGONISM OF RUSSIA AND TURKEY IN THE 1880-s**
(reviewed)

The article is devoted to the studying of political and conflict aspects of the geopolitical rivalry of Russia and Turkey in the 1880-s in the conditions of the accession of the Crimea to Russia and signing of the Georgian treatise (1783). The antagonism of the nations in the solution of the Caucasian question, and also the political situation in the Northeast Caucasus is traced in the context of the foreign policy aspirations of Russia and Turkey.

Keywords: *Georgian treatise, Russia, Ottoman Turkey, the Caucasian line, accession of the Crimea, the Kartli - Kakhetin kingdom, Irakli II, Fatali-khan, the Northeast Caucasus, Umma-khan, sheikh Mansour, citizenship.*

Последняя треть XVIII в. ознаменовалось важнейшими внешнеполитическими и региональными событиями, повлиявшими на ход и характер исторических событий на Кавказе.

Соперничество России и Османской империи обретает особую геополитическую остроту на Кавказском плацдарме. После заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора Россия форсирует строительство Кавказской военной линии в 1777-1780 гг. В результате прикаспийские территории были соединены с приазовскими. На всем протяжении Линии были созданы военные укрепления, крепости, станицы из числа новопоселенцев. Отныне Россия обладала реальным приоритетом в регионе, что было отмечено и политическим сближением народов Северного Кавказа с Россией. Подтверждением тому являлись многочисленные присяги подданства.

В противовес растущему влиянию России в регионе, активизировались действия османской Турции. В период 1782-1783 гг. Порты целенаправленно пыталась втянуть дагестанских и азербайджанских владетелей в борьбу против пророссийски настроенного грузинского царя Ираклия II.

Внутренние интриги, борьба за престол в Иране создавали благоприятные условия для расширения сферы влияния османской Турции, однако близость российских военных форпостов к иранским провинциям вызывали у султанской Турции серьезную обеспокоенность. Понимая, что успех в политических устремлениях мог быть только в результате сближения и союза с кавказскими правителями, османы всячески искали пути сближения с ними.

Одним из влиятельнейших правителей на всем Восточном Закавказье был Дербентский Фатали-хан и привлечение его военных отрядов к походу против правителя Шуши – Ибрагим-хана должно было привести к успеху его соперника Имангул-хана. Но междоусобицы и взаимное неприятие дагестанских правителей привели к провалу «сальянского» похода [1]. Тем не менее уже в феврале 1783 г. предводители собрались в Дербенте у Фатали-хана на согласование плана очередного похода в Картли-Кахетинское княжество для смещения Ираклия II и возведения вместо него на престол Александра Бакаровича. Однако региональные и внешнеполитические успехи Российской империи не дали возможности осуществиться этому походу. Важнейшим из них было присоединение Крыма к России [2]. В апреле 1783 г. Российская императрица Екатерина II в указе «О присоединении к Российской Империи Крыма, Тамани и Кубани», аннулировала в Кючук-Кайнарджийском мирном договоре, а также в Айналы-Кавакской конвенции статьи о независимости Крыма. Это событие стало судьбоносным для Кавказа. Отныне кавказский вопрос выдвинулся на первый план, придя на смену крымскому вопросу.

В условиях, когда уже невозможна была османо-крымская агрессия в кавказские пределы, 24 июля (4 августа) 1783 г. был подписан Георгиевский трактат [3]. Картли-Кахетинский царь Ираклий II, признав протекторат России, теперь на внешнеполитической арене выступал под эгидой России. Картли-Кахетинское царство фактически подпадало под политическое, военное, экономическое покровительство России [4]. Не случайно трактат именовался «Дружественным договором», провозглашавшим добровольное принятие российского подданства царем Ираклием II.

При этом важнейшим военным последствием было как выступление отрядов Ираклия II под российским скипетром, так и размещение отряда российских войск в Тифлисе, что резко изменило соотношение сил на Кавказе в пользу России. Восточная Грузия освободилась формально от притязаний Ирана и Турции и таким образом на Южном Кавказе у соперников России были существенно ослаблены позиции. Такое усиление позиций России на внешнеполитической арене не могло не сказаться на политической ситуации в регионе. Это выразилось в участившихся присягах ханств и обществ Северного Кавказа на верноподданство России. Стало характерным подчеркивать в подобного рода присягах владетелей не только свою верность России, но и народа и войска своего: «Во всех сторонах ... войско мое и я сам, сколько сил моих станет, служить готов» [5] – подчеркивал в частности правитель Аварии Умма-хан. Вслед за ним клятвенно заверял и шамхал Муртузали: «Я со всеми своими сыновьями и братьями и всеми мне принадлежащими людьми верно и усердно е.и.в. служить намерен» [6]. Повсеместно владетели Северного Кавказа подтверждали свою покорность России. В этом ряду были в частности осетинские, ингушские и чеченские общества [7].

Не без основания султанская Турция и шахский Иран были охвачены замешательством. «Ужас в Анатолии, – свидетельствовал российский военный историк П.Г. Бутков, – был невероятен еще по присоединении Крыма к Российской державе, принятие Грузии оной усугубило» [8].

Намерения России стали очевидны для Порты. Укрепление Кавказской линии вплоть до побережья Каспийского моря, сосредоточение военной силы по периметру южных границ основательно закрепляло присутствие здесь России. Последней это давало стратегический приоритет на кавказском плацдарме и в случае войны или реальной угрозы таковой с Турцией, Россия имела возможность неожиданного удара.

Северный Кавказ, а также прикаспийские территории вплоть до Дербента «должны были быть непосредственно присоединены к Российской империи». Вместе с тем на территории Южного Кавказа планировалось создать три государства [9], вассально зависимые от России. Им отводилась роль буфера между тремя противоборствующими державами.

Установление протектората России над Картли-Кахетинским царством по Георгиевскому трактату создавало серьезный барьер на пути османской Турции. Было совершенно очевидно выгодно для правителя Картли-Кахетии. Объединение интересов Грузии и России, давало возможность ему прикрываться авторитетом русской власти, да и иранские ханства (по сути грузинские территории – К. М.) реально могли теперь оказаться под протекторатом России.

Ставшая реальностью российская Кавказская линия, протянувшаяся от Азова до Каспия, требовала «оборонения» и создания надежных коммуникаций через горные перевалы. Только таким образом закавказские владения имели бы тесную связь и надежное покровительство со стороны России. Строительство военно-грузинской дороги началось с возведения крепости Владикавказ в 1784 г. Таким образом, Дарьяльское ущелье становилось подконтрольным российской военной администрации.

Противоборствующая российскому усилению в регионе турецкая сторона разрабатывала свой план. Он имел реальную поддержку со стороны Англии и Франции. Европейские державы были серьезно обеспокоены усилением России на подступах к южным морям и готовы были поддержать османов в их устремлениях реванша на Кавказе. Такая заинтересованность Англии и Франции давали веские основания султану Турции реализовать свои военно-политические намерения.

Антирусская пропаганда османов, получившая широкий размах, была направлена на привлечение единомысленных мусульман в вооруженные отряды. Летом 1783 г. в Ахалцихе формируются военные подразделения (до семи тысяч человек) [10] из прибывающих отрядов, преимущественно из дагестанских ханств, магалов и различных «вольных обществ» Северо-Восточного Кавказа. Многочисленные султанские грамоты призывали единомысленных мусульман «не давать веры речам русских, ... не поддаваться хитрости их и обману, ... оказывать твердость в сопротивлении и не допускать неприятеля до владений Ирана и Дагестана, ... с целью расположить их к себе и задобрить каждого из них были преподнесены приличные подарки» [11].

Русско-турецкий конфликт становился неизбежным. Поводов к нему накапливалось множество. Ситуация накаливалась и в связи с дальнейшим осложнением обстановки внутри Османской империи [12]. Основной акцент в политических претензиях к России был сделан на обвинении в агрессивности России на якобы «подвластных» Турции дагестанских и закавказских территориях. Не без основания турецкие агенты пытались склонить к сотрудничеству осетин, что дало бы возможность блокировать доступ в грузинские пределы через Дарьяльское ущелье. Однако осетины, подтвердили свое подданство России и не последовали таким призывам [13].

Серьезную ставку османы делали на ахалциского Сулейман-пашу, которому вменялось привести Грузию в бедственное состояние, устроить правителей соседних владений, чтобы «они не последовали примеру Грузии и не искали протекции российской» [14]. Протесты российского правительства по поводу враждебных действий ахалцихского паши, оставались безответными [15].

В декабре 1784 г. Порты заявила российскому послу, что «Горджистан, Мингрелия ... так же, как и земли мусульманские, а в особенности единомысленного Турции Дагестана» являются «подвластными» османов и протесты России относительно действий ее «подданных и подвластных ... ей территорий, принадлежат к разряду неуместных

стараний» российского правительства и являются вмешательством во внутренние дела суверенного государства [16].

В следующем 1785 г. участились вояжи османских агентов, а летом того же года в Дагестане распространялся указ султана (по-турецки фирман – К. М.): Лейтмотивом фирмана был призыв дагестанских мусульман к «священной войне» против России [17].

Неоднозначной была реакция владетелей Северо-Восточного Кавказа [18]. Напряжение военно-политической обстановки на Северном Кавказе и осложнение на внешнеполитической арене, выразившееся и в соперничестве России и Турции, приводила к колебаниям местных владетелей в их политической ориентации. При этом не последнюю роль играли посулы и денежные султанские вознаграждения, а также возможность пожить в походах в грузинские княжества. Последние терпели нашествия Умма-хана Аварского, первый поход которого состоялся весной 1785 г., а второй, численностью отрядов до 20 тыс. человек [19] был совершен в августе-сентябре того же года. В их составе были отряды Али-Султана Дженгутаевского, кадия Акушинского, чеченского владельца Алихана Топлинского. Войска Ахалциского Сулейман-паши продвигались в восточно-грузинские земли, а крепость Кизляр была осаждена 10-тыс. войском чеченских повстанцев под предводительством шейха Мансура. Российские власти усматривали в этом их обоюдную солидарность. Сопоставляя события, военный историограф П.Г. Бутков писал: «все они действовали по одному плану, начертанному от турок» [20]. На официальное требование российской стороны прекратить турецкое потворство диверсиям и ограблениям владетелями Дагестана в Грузии был получен уклончивый ответ: «Они иной нации суть» [21].

Особенно опасным для российских тылов стало начавшееся в марте 1785 г. антифеодальное движение в Чечне под флагами религиозной войны шейха Мансура (чеч. имя – Ушурма – К.М.) [22]. Движение очень скоро обрело значительные масштабы на территории Северного Кавказа. И уже летом 1785 г. шейх Мансур, собрав 10-тыс. отряд, отправился в кизлярский поход [23]. Походов было совершено два и дважды они не достигли успеха [24].

В досоветской и советской историографии уделено немало внимания повстанческому движению под предводительством шейха Мансура. Различные аспекты проблемы были исследованы профессором Ш.Б. Ахмадовым. Он характеризовал движение как антиколониальное. Экономические причины по мнению исследователя стали главной причиной движения. «... торговые связи Чечни с Россией в конце XVIII в. не получили должного развития, так как экономические мероприятия царских властей, таможенные пошлины, меновые дворы и всякие другие запреты сдерживали это развитие, что в свою очередь, вызывало недовольство народа, обостряя напряженность отношений между чеченскими обществами и царскими властями», - отмечает Ш.Б. Ахмадов [25]. На наш взгляд это лишь одна сторона вопроса. Не менее существенным было внешнеполитическое соперничество России, Турции на Кавказе, когда использовались и изощренные и силовые методы. С одной стороны, политические спекуляции, основанные на религиозных чувствах мусульман Северного Кавказа, деятельность агентов османской Турции, подкуп и интриги, с другой, участвовавшие военные экспедиции российской стороны по «замирению» горцев вели к военной эскалации в регионе.

Осенью 1785 г. тарковский шамхал, казакумухский Магомед-хан, табасаранский кадий, кайтагский уцмием поддержали повстанческое движение [26]. Лакцы, кумыки, ногайцы Засулакской Кумыкии [27] дополнили своими отрядами военные подразделения шейха Мансура. Не последнюю роль в этом играли щедрые подарки османов: «Полученные Портою от иностранных покровителей деньги щедрой рукой раздавались вместе с халатами, саблями, султанскими фирманами и прочими подарками кавказским правителям и владетелям» [28], - отмечал известный ученый Н.А. Смирнов.

Россия всячески пыталась обезопасить Грузию от нападений дагестанских отрядов. И даже шла на политические уступки Турции, соглашаясь вывести свои войска из Тифлиса за гарантии спокойствия в грузинских пределах от походов дагестанских отрядов. Тактически Россия стремилась выиграть время, учитывая слабую техническую оснащенность армейских подразделений, как на суше, так и на Черном море. Учитывая также и то, что на кавказском плацдарме была напряженная политическая обстановка, Россия целенаправленно вела практику «ласкания» принятия присяг подданства [29], а военные действия (в случае начала войны) с османами намерена была вести на европейском плацдарме.

Россия не могла допустить ослабления Кавказской линии или захвата Кизляра. Для предотвращения таких событий осенью 1787 г. были усиленно военное присутствие в Дагестане и Кабарде. Бесспорно, это возымело действие и уже в ноябре 1787 г. кумыкские князья дали письменные заверения в «верности и повиновении» России и обязались не «чинить набеги» [30]. Эндиреевские и аксаевские владельцы обратились к генерал-губернатору П.С. Потемкину, изъявляя готовность «если когда чеченцы и мычигышцы будут чинить вред нам или кизлярским народам, то согласились с ними драться» [31].

К лету 1787 г. войсковые операции существенно ослабили повстанческое движение. Отошли от шейха Мансура авторитетные князья Али-Султан и Дол. Многие чеченские отряды также разошлись по своим селам. Утрата центра повстанческого движения в Чечне привело к исходу борьбы на Северо-Восточном Кавказе. Предводитель движения шейх Мансур ушел в Закубанье. В тыловых территориях Северного Кавказа российское военное присутствие усилилось.

Народы Северного Кавказа, оказавшись в тисках противоборствующих держав, пытались сохранить свою независимость. Поиски сильного покровителя чаще приводили их на сторону России. В противоборстве держав успех России обеспечивался в результате эффективной региональной политики, которая определила усиление пророссийской ориентации кавказских народов. Об этом свидетельствовал Георгиевский трактат, в котором в 13 основных и в 4 сепаратных артикулах были статьи, имевшие важное значение как для Восточной Грузии, так и для многих народов Кавказа.

Ход истории уже расставил геополитические акценты в пользу России, которая включив Крымское ханство в свой состав, по существу устранила осmano-крымские набеги на Северный Кавказ, протекторат над Восточной Грузией обеспечил ей защиту от османских и иных походов, доведение Кавказской линии до Каспийского моря давала России торгово-экономические приоритеты.

Совершенно очевидно было то, что продвижение России в решении кавказского вопроса вело к ожесточенному противодействию соперничающей с ней Турции. К осени 1787г. обстановка на внешнеполитической арене еще более осложнилась. Претензии османской Турции принимали ультимативный характер: требование возвращения Крыма, признание Грузии вассальным владением султана, претензии на осмотр русских торговых судов, проходящих через проливы. Все это означало ни что иное, как пересмотр Кючук-Кайнарджийского мирного договора и Георгиевского трактата и неизбежность очередной русско-турецкой войны.

Литература:

1. Абдуллаев Г.Б. Из истории Северо-Восточного Азербайджана в 60-80-х годах. Баку, 1958. 173 с.; Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. Москва: Наука, 1966. 178 с.
2. Сборник Русского исторического общества: в 148 томах. Том 27. Часть 4. Санкт-Петербург, 1880. 245 с.
3. Новосельцев А.П. Георгиевский трактат и его историческое значение // История СССР. 1983. №4. С. 60.

4. Махарадзе В. Георгиевский трактат. Исследование. Документы. Фотокопии. Тбилиси, 1983. С. 123-126.
5. РГАДА. Ф. 23. Кавказские дела. Оп. 1. Д. 13. Ч. 2. Л. 161.
6. Там же. Л. 279.
7. Русско-дагестанские отношения в XVIII-начале XIX веков: сборник документов. Москва, 1988. С. 174-183; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / под ред. В.Б. Пиотровского. Москва: Наука, 1988. 554 с.
8. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г.: в 3-х частях. Часть 2. Санкт-Петербург, 1869. 132 с.
9. Иоаннисян А.Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван, 1958. 18 с.
10. Маркова О.П. Указатель сочинений. С. 203.
11. Джебдет-паша. Описание событий в Грузии и Черкесии по отношению к Оттоманской империи от 1192 по 1202 год хиджры (1775-1784) / пер. с турецкого М. Гамазова // Русский архив. 1888. №3. С. 378-379.
12. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. Москва: Соцэкгиз, 1958. С. 129.
13. Там же. С. 130.
14. Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 1968. С. 230.
15. Там же. С. 199.
16. Джебдет-паша. Указатель сочинений. С. 379.
17. Бутков П.Г. Указатель сочинений. Часть 2. С. 176.
18. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе: в 6 томах. Том 2. Санкт-Петербург, 1871. С. 25, 78.
19. Бутков П.Г. Указатель сочинений. Том. 2. С. 178.
20. Там же.
21. Маркова О.П. Указатель сочинений. С. 209.
22. Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур (народно-освободительное движение в Чечне и на Северном Кавказе под руководством имама Мансура в 1785-1791 гг.). 2-е изд., перераб. и доп. Элиста, 2010. 371 с.
23. АКАК. Т. II. С. 115-116.
24. Ахмадов Ш.Б. Указатель сочинений. С. 200-202, 219-225; Клычников Ю.Ю. Из истории формирования российского Северного Кавказа во второй половине XVI-XVIII веков. Пятигорск, 2008. 125 с.
25. Ахмадов Ш.Б. Указатель сочинений. С.134-135.
26. Беннигсен А. Народное движение на Кавказе в XVIII в. / под общ. ред. В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1994. 59 с; Абдулаева М.И. Дагестан в политике Османской империи во второй половине XVIII-XIX вв. Махачкала, 2006. С. 35, 38.
27. Беннигсен А. Указатель сочинений. С. 59.
28. Смирнов Н.А. Указатель сочинений. С. 131.
29. Маркова О.П. Указатель сочинений. С. 218.
30. Бутков П.Г. Указатель сочинений. Часть I. С. 191-196; РДО. 1988. С. 200.
31. РГВИА. Ф. 52. Потемкин-Таврический Григорий Александрович (выдающийся русский военный и политический деятель XVIII в.). 1763-1791 гг. Оп. 1/194. Д. 487. Л. 17. 31.

References:

1. Abdullaev G. B. *From the history of the Northeast Azerbaijan in the 60-80th years.* Baku, 1958. 173 p.; Markova O. P. *Russia, Transcaucasia and international relations in the XVIII century.* M.: Science, 1966. P. 178.
2. *Collection of the Russian historical society: in 148 v. V. 27. P. 4. SPb. 1880. P. 245.*

3. Novoseltsev A. P. *Treatise of George and its historical value//History of the USSR*. 1983. No. 4. P. 60.
4. Makharadze V. *Treatise of George. Research. Documents. Photocopies*. Tbilisi, 1983. P. 123-126.
5. RSADA. T. 23. *Caucasian affairs*. On. 1. 13. H. 2. L. 161.
6. The same. L. 279.
7. *The Russian-Dagestan relations in XVIII - the beginning of the XIX century: collection of documents*. Moscow, 1988. P. 174-183; *History of the peoples of the North Caucasus since the most ancient times until the end of the XVIII century / ed. by V.B. Piotrovsky*. Moscow: Science, 1988. 554 p.
8. Butkov P. G. *Materials for the modern history of the Caucasus from 1722 to 1803*. In 3 p. SPb., 1869. P. 2. P. 132.
9. Ioannisyanyan A. R. *Accession of Transcaucasia to Russia and the international relations at the beginning of the XIX century*. Yerevan, 1958. 18 p.
10. Markova O. P. *Reference of works*. P. 203.
11. Dzhevdet - pasha. *The description of events in Georgia and Circassia in relation to the Ottoman empire from 1192 to 1202 hidzhra/1775-1784//transl. from Turkish by M. Gamazov// the Russian archive*. 888. No. 3. P. 378-379.
12. Smirnov N. A. *The policy of Russia in the Caucasus in the XVI-XIX centuries*. M.: Socecgez, 1958. P. 129.
13. The same. P. 130.
14. Magomedov R. M. *History of Dagestan*. Makhachkala, 1968. P. 230.
15. The same. P. 199.
16. Dzhevdet - the pasha. *Reference of works*. P. 379.
17. Butkov P. G. *Reference of works*. P. 2. P. 176.
18. Dubrovin N. F. *History of war and dominions of the Russians in the Caucasus: in 6 v. V. 2*. SPb., 1871. P. 25, 78.
19. Butkov P. G. *Reference of works*. V. 2. P. 178.
20. The same.
21. Markova O. P. *Reference of works*. P. 209.
22. Akhmadov Sh. B. *Imam Mansour (The people's liberation movement in Chechnya and in the North Caucasus under the leadership of the imam Mansour in 1785-1791) 2nd ed., rev. and add.* Elista, 2010. 371 p.
23. ACAK. V.II. P. 115-116.
24. Akhmadov Sh. B. *Reference of works*. P. 200-202, 219-225; Klychnikov Yu.Yu. *From the history of formation of the Russian North Caucasus in the second half of XVI-XVIII centuries*. Pyatigorsk, 2008. 125 p.
25. Akhmadov Sh. B. *Reference of works*. P. 134 – 135.
26. Bennigsen A. *People's movement in the Caucasus in XVIII of century / Ed. by V. G. Gadzhiyev*. Makhachkala, 1994. 59 p.; Abdullaeva M. I. *Dagestan in the policy of the Ottoman Empire in the second half of XVIII-XIX centuries*. Makhachkala, 2006. P. 35, 38.
27. Bennigsen A. *Reference of works*. P. 59.
28. Smirnov N. A. *Reference of works*. P. 131.
29. Markova O. P. *Reference of works*. P. 218.
30. Butkov P. G. *Reference of works*. P. I. P. 191-196; RDO. 1988. P. 200.
31. RSMHA. F. 52. *Potemkin - Taurian Grigory Alexandrovich (an outstanding Russian military man and politician of the XVIII century)*. 1763-1791 Op. 1/194. 487. L. 17. 31.